

Ольга Баумгертнер

Охотник на ведьм

Ольга Баумгертнер

Охотник на ведьм

«Автор»

2007

Баумгертнер О. Г.

Охотник на ведьм / О. Г. Баумгертнер — «Автор», 2007

ISBN 978-5-457-21834-5

ISBN 978-5-457-21834-5

© Баумгертнер О. Г., 2007

© Автор, 2007

Содержание

1. В час до рассвета	5
2. Черный микроавтобус	10
3. Полнолуние	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ольга Баумгертнер

Охотник на ведьм

1. В час до рассвета

Я поднялся на последний этаж. На лестничной площадке, прислонившись к стене, стояла девушка. В ее руках уже давно остыла чашка с кофе, чей аромат еще слегка улавливался, а рассеянный взгляд девушки был устремлен на темное окно подъезда. Я прокрался мимо и проник в квартиру через приоткрытую дверь. Мужчина в прихожей, собираясь на работу, торопливо и нервно искал что-то среди бумаг в своем портфеле, и я без помех проскользнул дальше на крохотную грязную кухню. Старуха в замусоленном переднике старательно помешивала половником в большой пузатой кастрюле. Густой запах супа с пряными приправами, не желая вытекать в распахнутую форточку, наполнял все узкое пространство между мойкой, плитой и теснившимися напротив столом и холодильником. Молодая женщина делала бутерброды для сына в школу. Развернуться здесь было негде, так что я сразу махнул на покривившийся стенной шкафчик с перекошенными из-за разболтавшихся петель дверцами. Шурупы наполовину вышли из пазов, и шкафчик держался на честном слове. Так что я завис чуть выше, даже не думая опираться на него. Из щели между шкафом и стеной высунулись рыжие усы и тут же исчезли... Когда в семье три женщины, в их доме никогда не будет порядка. Старшая чувствует себя хозяйкой, дает советы и постоянно ворчит, что остальные ничего не делают или делают не так, как надо. Вторая всегда поступает по-своему, а уж если вдруг последует совету старшей, все у нее будет валиться из рук. Третья вовсе не участвует в домашних делах и старается как можно реже появляться в доме, чтобы не слышать вечных упреков. Здесь был как раз этот случай...

Половник в руке старухи вдруг замер, и варево, кипевшее на сильном огне, протестуяще забулькало. Старуха потянула носом, принюхиваясь. Но запах специй был так силен, особенно рядом со мной под самым потолком, что я сомневался, что она смогла бы учуять что-либо другое.

На кухню забежал мальчишка. Женщина сунула ему в рюкзак бутерброды. На миг заглянул мужчина. Ему тоже досталась пара бутербродов, небрежно завернутых в промасленную бумагу, после чего он исчез.

И тут старуха встретила со мной взглядом. Мой амулет выскользнул из-под рубашки, нарушив защиту, и ведьма смогла увидеть меня. Она яростно взвизгнула и потянула ко мне руки со скрюченными пальцами, на которых в один миг выросли когти. Я скакнул через голову старухи. Ее дочь выбросила вперед руки, чтобы поймать меня. И даже мальчишка подпрыгнул. Кто-то из них схватил меня за штанину, но я вырвался.

— Что происходит? — удирая, я пихнул в сторону бабкиного зятя — тот, в аккуратном деловом костюме застыл на пороге квартиры и не знал, что делать со всученными ему бутербродами. — Эй, ты кто?! Куда?!

Я перемахнул с лестничной площадки прямоком на подоконник, распахнул одну створку и сиганул в окно. Вслед мне неслись вопль мужчины. Он, топая в дорогих туфлях, бежал по лестнице и высунулся наружу. Но внизу, в двадцати метрах под окном, на асфальте у щедро освещаемого фонарем входа в подъезд никого не было.

— Ты видела?! — он, с вытаращенными глазами, обернулся к своей золовке.

Та по-прежнему стояла на лестничной площадке и бездумно смотрела в окно, босая, в мятлом шелковом халатике, небрежно запахнутом на голом теле.

— Элишка, ты видела?! — выкрикнул мужчина. — Он выпал в окно!

Мужчина стал подыматься обратно, но на середине пути схватился за сердце и опустился на ступеньку. Лицо его побагровело, на виске застучала, запульсировала венка, и видно было, что из-за случившегося ему сделалось дурно.

– Он – улетел... – неслышно, одними губами произнесла девушка.

Я, поглубже упрятав талисман за пазуху, перемахнул через островерхую крышу. Нашел и надел свое пальто, уселся на коньке, прислонившись спиной к теплой стенке вентиляционной шахты, и подул на озябшие пальцы. Скаты крыш покрывал неглубокий, в ширину ладони, снег, голубевший под морозным темно-синим небом, и клубы пара застывали над трубами, словно призраки, отливая мертвенно-зеленым, впитав цвет светлеющего востока; а в трубах глухо и заунывно подвывал ветер. Ночь подходила к концу. Внизу в домах электрический свет вычерчивал оранжевые квадраты окон. Но на улицах еще не было ни души. Только далекие хрустально-ледяные звонки трамваев чуть нарушали стылую тишь. Я, поживаясь, поплотнее запахнул пальто и, дыша на пальцы, смотрел на звезды. Млечный путь, заиндевевший и слабо искрящийся, казалось отражал идущий от земли свет. Бледный серпик убывающего месяца, словно истаявшая сосулька, низко висел в позеленевшем небе над шпилем ратуши, обращая ее в мечеть. И откуда-то оттуда же, со стороны Центральной площади, донеслось глухое, утробное урчание автомобильного двигателя. И я знал, что мне скоро позвонят. Из трубы надо мной послышался какой-то шорох и копошение. Я задрал голову. Два чертика сидели на краю шахты, свесив хвосты и ножки и болтая копытцами.

– Янош, – захихикали они. – Тебе тоже не спится? Что ты забыл на нашей крыше?

– Вчерашний день. Брысь, мелюзга, а то вам тоже не поздоровится.

– Какой ты сегодня добрый, Янош! – продолжили глумиться они. – Когда ты будешь убивать наших ведьм, ты тоже будешь таким обходительным?

– Брысь! – я указал им на ратушу. – Свяжу вам хвосты и повешу на шпиле вместо флюгера. Заодно проветритесь – от вас псиной несет.

– А до месяца ты не дотянешься, Янош? Не повесишь нас на рожок? Не такие уж у тебя и длинные руки!

Я взвился. Парочка с визгом вскочила, но я успел сцапать обоих за шкурку. Они были легкие, как два черных котенка, а их шелковистая шерстка встала дыбом.

– Зато у кого-то слишком длинные языки!

– Янош, мы же пошутили, – плаксиво залепетали они.

Их тонкие, мягкие лапки трогали мои пальцы, две пары желтых глаз уставились на меня, а мордочки оскалились в натянутых улыбках.

– А как же Элишка? – отважился спросить один, когда я чуть ослабил хватку. – Мы же видели, когда подглядывали из щели, как ты целовал ее, как тискал ее.

– Довольно! – оборвал я.

В этот миг у меня зазвонил телефон. Я поставил взъерошенную парочку на край шахты, в которой они поспешили исчезнуть, огляделся. Машина, черный с тонированными стеклами микроавтобус, остановилась в соседнем переулке. Доминик и Петр прибыли. Я увидел, как приоткрылось окно и в нем – руку с зажженной сигаретой, и только после этого ответил на вызов.

– Мы уже на месте, действуй. Через десять минут будем в квартире. Ты не передумал, Ян?

– Нет, – я нажал отбой и глянул в небо. – Нет, я не передумал...

Элишка... Я познакомился с ней десять дней назад. Тогда было полнолуние. Мы ехали куда-то в одном трамвае. Она искала мужчину, чтобы завладеть им, как до этого ее старшая сестра зачаровала одного успешного бизнесмена. Но в итоге Элишка встретила меня. Полная луна каждый месяц горячила всем подобным нам кровь... Я ушел от нее утром. Обычный мужчина не смог бы уйти, а я ушел... Она шептала заговор, но он на меня не дей-

ствовал. И тогда она поняла, кто я. Не так часто дар ведовства передается мужчинам, чтобы не знать их всех. Она могла не знать только изгоя... Я посмотрел на ее бледное лицо, на опустевшие глаза, в которых не осталось ничего, кроме разочарования. И я ушел... чтобы вскоре вернуться...

Я сбросил пальто и, свесившись с крыши, заглянул на покинутую мною несколько минут назад кухню – старуха все еще была там. Через форточку я втянулся внутрь и вновь устроился над шкафчиком. Старуха бросила еще щепотку приправы в суп и в очередной раз помешала варево.

– Он ушел! – на кухню вернулась старшая дочь. – Перепугал мужа чуть ли не до смерти – Марек до сих пор не отдышался...

Старуха вынула половник и, облизав, бросила в мойку. Загремела немытая посуда.

– Никуда он не ушел, Катерина, – старуха вновь потянула носом. – Раз пришел, он уже так просто не уйдет. Ну? Где же ты, иудушка?

Ее взгляд зашарил по стенам.

– Ну же, покажись, изверг. Ты же пришел за нашей душенькой, убивец...

Я медленно потянул из-за пазухи нож.

– Почему ты помогаешь им? – взор Катерины тоже искал меня. – Они же расправились с твоей матерью.

– Что ты ждешь от труса? – губы старухи искривились в презрении, и она поглядела в окно куда-то далеко-далеко. – Когда-то давно эти душегубы-охотники, как два татя, забрались в дом и убили ее спящую – сподручней застать ведьму врасплох, чем позволить ей выпустить когти. Мальчишка заливался слезами, но не от горя, а от страха за свою жизнь. И едва лунный блик, отраженный от лезвия, ударил серебром ему в глаза, он закричал, прося пощады у убивших так подло его мать... Единственный из нас, кто предал свой род, кого воспитали наши враги и кто убивает нас...

Показалось, что ее глаза смотрят прямо в мои, хотя я по-прежнему оставался невидим. Больше медлить было нельзя. Я ринулся вниз, и предсмертный вой старухи смешался с яростным воплем Катерины, бросившейся на меня. Амулет сверкнул в электрическом свете, и я снова стал видим. Ударил ножом повторно, но на этот раз немного промахнулся. Женщина харкнула кровью прямо в лицо – я попал ей вместо сердца в легкое. В агонии она вцепилась в меня когтями, расцарапав щеки, и упала рядом с матерью.

– Мама! – к телу Катерины метнулся мальчишка, но его успел поймать Доминик, как и Петр – Элишку.

– Пустите! Пустите меня! – рычала она в ярости. – Дайте добраться до ублюдка – я убью его!

– Не хочешь закончить, Ян? – спросил Петр.

Я оттирал кровь с лица грязным кухонным полотенцем.

– Чуть позже.

Он бросил девушку на табуретку, скрутил за спиной руки, связал.

– Мальчишку не тронем – он пустышка, – Доминик отпустил сына Катерины, и тот с рыданием бросился к Элишке, уткнулся лицом ей в колени. – Я вызвал скорую – у мужчины на лестнице случился сердечный приступ.

– ...когда некоторые вылетают в окно, – прошипела в злобе Элишка.

«Как на это посмотрят они? Что из-за тебя пострадал человек?» Глаза, полные слез, с ненавистью смотрели на меня. Халат распахнулся, обнажив грудь. Я слизнул черную кровь с ножа. «Почему? – вновь подумала она. – Почему ты ненавидишь и убиваешь нас? Ты... ты ведь ничем от нас не отличаешься.» «Откуда тебе знать, кого я ненавижу? – ответил я. – Откуда?»

Я достал из мойки половник, сполоснул под водой и налил себе в тарелку супа.

– Ты собрался есть прямо здесь? – полюбопытствовал Петр. – А я думал – это мы закоренелые циники.

– Жаль, добро пропадает... Старуха изумительно готовила – была лучшей кухаркой в городе, несмотря на весь этот бедлам, – я обвел взглядом кухню. – А какие вацлавские колбаски жарила. И бежеровку сама готовила, добавляла туда свои особенные травы. Может, еще осталось...

Я заглянул в шкафчик, извлек початый штоф и три стопки.

– Не хотите за компанию? Или вам брезгливо?

– Лучшая кухарка, говоришь? Что ж, почему нет...

Я разлил настойку.

– За упокой их грешных душ, – произнес Петр.

Мы сели за стол, выпили, побрятели и взялись за ложки. Я чуть подул на суп, выдохнув заклятие, и принялся за еду – варево ведьмы-старухи стало вполне съедобным. Глаза Элишки, с презрением наблюдавшей за нами, распахнулись в изумлении. Охотники прихлебывали вслед за мной.

– Действительно, весьма недурно, Ян, хотя мы и не привыкли есть суп на завтрак... – Петр улыбнулся. – С бежеровкой-то...

Улыбка застыла на его губах, он побледнел и свалился со стула. Доминик тоже был мертв. Я бросил ложку и поднялся. Элишка встретила со мной взглядом.

– Твоя мать предвидела, что убью ее, – заметил я. – Бросила яд в супчик – знала же, что обязательно попробую.

– Какая я глупая, – прошептала она. – Ненависть придает тебе сил. С каждой нашей смертью ты становишься сильнее. Зачем...

– Нет...

От догадки, осенившей ее, она задохнулась.

– Кому-то слишком дорого пришлось платить за твою месть...

Я швырнул, не глядя, тарелку в сторону мойки. Попал, но во все стороны брызнули осколки разбитой посуды.

– Значит, у кого-то появится шанс поквитаться и со мной.

Я подошел к Элишке и развязал руки. Она же в неверии смотрела за мою спину.

– Ох, Янош! – старуха, пошатываясь, поднялась. – Почему не предупредил, изверг?! Я ведь тебя проклясть могла... Больно-то как!

– Проклясть? Мне казалось, ты собиралась меня отравить, – возразил я.

– Что происходит? – Катерина сидела на полу и ощупывала грудь, но от раны не осталось и следа. Мальчишка, скуливший на коленях у Элишки, с ревом бросился к матери.

– Пора уезжать отсюда, – ответил я.

– Почему ты не сказал? – на щеках Элишки сорвавшиеся с ресниц слезы оставили влажные линии.

– Потому что они следили за вами. Убедили мужа Катерины установить камеру – якобы твоя сестра ему изменяет. Да и ко мне они что-то в последнее время стали относиться с подозрением.

Я отцепил от ворота рубашки жучка, бросил на пол и раздавил. Потом склонился над мертвецами, обыскал их и выложил на стол мини-компьютер – на экране застыла картинка кухни – и диктофон.

– Почему же ты неожиданно решил нас спасти? – спросила Элишка. – Участи остальных не позавидуешь.

– Когда-нибудь это должно было прекратиться, – я посмотрел на нее. – Собирайтесь. У вас не больше пяти минут. Здесь могут появиться остальные.

– А что же с Марексом и сыном? – встревожилась Катерина.

– Мы не можем взять их с собой, – старуха опустила взгляд. – Марек обеспечен и позаботится о сыне.

– Марек умрет, прежде чем до него доберется помощь, – возразила Элишка. – Мы не можем оставить Франтишека одного.

Я, Катерина и Элишка вышли в подъезд. Марек все также сидел на ступеньке, тяжело привалившись к стене. Снизу слышались голоса – к нам подымались врачи. Я спустился к Мареку, чуть тронул его голову и прошептал заговор. Он вздрогнул и задышал легче и ровнее.

– Он поправится.

– У нас на кухне два трупа, – напомнила Катерина.

Я вернулся обратно. Старуха уже в старой вылинявшей шубе стояла у окна с внушительным заплечным мешком за спиной. Рядом на подоконнике с узелками в лапках стояли два чертика.

– Этих не берем. Если только...

– Мы знали, что ты добрый, Янош! – пропищали они, живо побросали свои узелки, подхватили сначала одного мертвеца и утащили в вентиляционную шахту на кухне, затем другого.

Потом вытащили оттуда что-то черное и всучили мне.

– Это я бы сам забрал! – я в досаде стряхнул со своего пальто пыль, копоть и налипшую паутину.

– Не за что, Янош, – они подобрали узелки и устроились на плечах старухи.

– Привык жить с людьми, в чистоте и довольстве? – старуха ухмылялась.

– Как будто вы не среди людей жили, – проворчал я и поморщился – от пальто явственно пахло псиной. Один чертик показал мне язык, другой поймал ползшего по стене таракана и с аппетитом сжевал. – Хоть какая-то от них польза...

На кухню зашли сестры. Катерина утирала слезы.

– Заставила Франтишека все забыть и уснуть, – произнесла она. – Так тяжело расставаться...

Старуха распахнула окно. В кухню ворвался свежий морозный воздух. Элишка прижалась ко мне, и я обнял ее. Черты на старухином плече захихикали.

– Будете еще подглядывать, подвешу вас на рожке месяца, – посулил я.

Первая в окно шагнула старуха, потом Катерина. Я взял Элишку за руку. Спустя миг все мы, невидимые, летели над просыпающимся городом. Гасли фонари, звенели трамваи, спешили по делам пешеходы, и автомобили, став совсем игрушечными, катили по извилистым улицам. Все дальше уносились крыши, башни и шпили. Светлело небо, и, растворяя звезды, за нашими спинами поднимался рассвет. Утренний морозный ветер и утреннее солнце умыли нас и подарили чувство свободы. Впереди же ждали простор бескрайних полей и лугов, сень волшебных лесов и те, в ком течет та же кровь, что у нас... Пришло время покончить с охотниками на ведьм и прежде всего убить охотника в самом себе...

2. Черный микроавтобус

Доктор с некоторым недоумением и с чрезмерным вниманием изучил рентгеновский снимок, а следом еще более пристально – мою голову.

– Как обычно, Мила, – бросил он медсестре и посмотрел на меня. – Удивительно быстро вы поправились, Ян. От трещины и следа не осталось, и шрам тоже почти исчез...

– На мне всегда заживает, как собаке, – я улыбнулся доктору. – К тому же, не люблю валяться без дела, тем более в больнице...

– Вы думаете, эти два обстоятельства взаимосвязаны? – скептически хмыкнул доктор и вновь глянул на снимок. – Я, конечно, вас выпишу. И все-таки загляните через недельку на всякий случай. Как-никак, а у вас было сотрясение.

Медсестра обработала голову чуть выше левого виска и обмотала ее бинтом.

– Спасибо, доктор, но думаю, это уже излишне.

– Ваша страховка покрыла все расходы, так что никаких дополнительных трат. Лишний раз...

Я покачал головой.

– Как пожелаете – мое дело предложить, – развел руками доктор. – А повязку к вечеру можете уже снять самостоятельно... И, знаете, что еще, Ян? Не хотелось бы вам говорить... – он немного замялся. – Это несколько неуместно, что ли, и нетактично, но обычно с такими ранениями как у вас, люди сразу отправляются на тот свет...

– Меня так сильно приложили? – любопытствовал я таким тоном, словно справлялся о погоде.

– Да. И я ожидал летального исхода, – доктор на мгновение нахмурился и после короткой паузы добавил. – Мне кажется, вы все-таки зря не написали заявление в полицию.

– Я уже говорил, что это бессмысленно – я не видел своего несостоявшегося убийцу.

– Что ж, тогда позвольте откланяться.

Доктор и медсестра вышли. Я скинул больничную одежду и одел свою. Ту, в которой меня сюда доставили. Она была выстирана и выглажена. Вычищенное пальто висело в шкафчике. Там же нашлись ботинки. Нашупав в кармане пальто связку ключей, я вышел из палаты и тут же столкнулся с Милой.

– Возьмите, Ян, – медсестра протянула вязанную шапочку. – На улице холодно, да она и повязку скроет... Жаль что вы выписываетесь...

– Что?

– Простите, – она смутилась. – Я, конечно, рада, что вы поправились... Я...

– Я очень благодарен вам за заботу, Мила...

Ее темные глаза загорелись, а на щеки лег румянец. Я взял шапочку из ее рук и одел. Дурацкая, яркая из белой и синей шерсти, спортивного типа, совершенно не подходила к моему классическому пальто. Но девушка бы обиделась.

Я вышел из больницы. Утро было ясное, с легким морозцем. Солнце слепило глаза. Я несколько минут постоял перед входом, жмурясь и оглядываясь по сторонам, потом сунул руки в карманы и пошел в направлении дома. На улицах было довольно многолюдно, движение – оживленное. Но я сразу почувствовал за собой слежку. Не прошло и пяти минут, как рядом притормозил черный микроавтобус, отъехала в сторону дверь.

– Садись, Ян, – произнес незнакомый женский голос.

Я остановился, глянул вокруг и скользнул в салон. Сел на обтянутое кожей кресло. Напротив сидело двое. Женщина, довольно молодая, худощавая брюнетка с собранными в хвост волосами, и примерно того же возраста мужчина, хотя уже седой. Оба были в деловых

костюмах. Она в синем. Он в сером, в мелкую, едва заметную черную полоску. Что-то не похоже на моих сотрудников, предпочитающих строгий черный.

– Доброе утро, Ян, – сказала она, сперва внимательно оглядев меня.

Я поморщился в ответ и стянул с головы цветастую вязанную шапочку, которую меня заставила одеть медсестра. Оба, как и ожидалось, уставились на повязку на моей голове.

– Что произошло, Ян? – потребовала после легкого замешательства она.

– Мне проломили голову, – отозвался я. – Так что я не совсем в курсе...

– Доминик и Петр мертвы.

– Я знаю, – прошептал я.

– Что?! – мужчина уставил на меня злой взгляд. – Почему ты тогда жив?

– Я не знаю.

– Это выглядит очень подозрительно.

Я глянул на них с непониманием.

– Вы, кстати, не представились, – заметил я.

– Это Томаш. Я – Диана.

– Отличное имя для охотницы, – я чуть кивнул ей.

– Они никогда не пытались переманить тебя на свою сторону? – продолжил расспросы Томаш.

– Нет.

– Но у тебя был повод...

– Какой?

Они с некоторым недоумением переглянулись.

– Ты сам мог убить Доминика и Петра, – предположила Диана.

– Доминик и Петр воспитали меня.

– Доминик и Петр убили твою мать, Ян...

Я зло усмехнулся и склонился к ней.

– Мою мать? – процедил я сквозь зубы. – Моя мать устраивала оргии, запирала меня на это время в чулан, и несколько раз забывала о моем существовании... Я чуть не подох с голоду. Доминик и Петр были моими избавителями... Не смей больше говорить, что я убил их...

– Но они слишком доверяли тебе, и полагались на тебя. Что произошло в то утро, Ян? Я нахмурился.

– Мне обязательно сейчас отвечать? Я могу предоставить совету отчет, как всегда это делал...

– Сейчас несколько иная ситуация – погибли охотники. Чем скорее мы получим сведения, тем быстрее...

– У меня нет ничего, что ускорит дело. Будь у меня что-то, я позвонил бы из больницы...

– Почему ты не позвонил и не сказал, где ты?

– А вы не знали, да? Кто тогда эти типы, что торчали в коридоре и постоянно справлялись у доктора о моем здоровье? Я даже уверен, что это вы и поместили меня в больницу.

Они поджали губы.

– Ближайший совет состоится завтра утром. Ты будешь?

– Разумеется.

Охотница смотрела на меня.

– В виду смерти Доминика и Петра нам теперь придется общаться чаще. Нас временно назначили твоими кураторами. И, значит, нам надо больше узнать о тебе.

– Обо мне все написано в моем деле, – я понимал, что она, пожалуй, больше остальных жаждет узнать, что стало с ее предшественниками.

– Кое о чем там не упоминается. Кто был твой отец?

– Понятия не имею.

Она показала мне светящееся зеленоватым светом колечко.

– Знаешь, что это? Это маячок на вампиров. И он среагировал на тебя.

Я рассмеялся, ударил по кнопке на двери. Темное тонированное стекло сползло вниз, в салон ворвался уличный шум, в лицо ударили солнечные лучи.

– Да у совета уже паранойя начинается. Где ты взяла эту дешевку?

– Это Марьяны, ведьмы изготовительницы оберегов... Ее изделия не врут...

– Разумеется, – я щелкнул по камушку ногтем и тот перестал светиться. – Учитывая радиус действия 20 метров...

– Я слышала, что ты всегда был слишком верток, Ян. Таким качеством обладают...

– Ты поэтому спрашивала, кто мой отец? Нет, он даже не ведьмак, он обычный человек. Я не знаю, кто он, но знаю, чья кровь течет во мне. А ты, выходит, занимаешься охотой за кровососами. То-то мы не пересекались...

– Может быть, тебе везло до этого? – ее глаза сузились.

Камушек опять вспыхнул зеленым на миг. Но она не заметила. Тут я кое-что вспомнил, скрестил руки на груди и довольно чувствительно надавил на внутренний карман. Кто-то протестующе стал скрести лапками, слегка придушенный. Я ослабил давление.

– Если сомневаешься – заглядывай ко мне вечером. Остановите.

Машина замерла, я вышел, хлопнув в раздражении несколько сильнее, чем следовало. Нет, черта с два меня выведут из себя. Они почти довели меня до дома. Я поглядел вслед черному микроавтобусу и передумал идти домой, решив прежде кое-куда заглянуть.

Я углубился в старый пражский квартал, настоящий лабиринт узких, кривых улочек. Здесь было почти безлюдно. Проторенные туристами пути, их оживленный шум остались далеко позади. Я миновал крошечную площадь с фонтанчиком, прошел в арку между стенами домов, сделал еще пару поворотов и оказался в тупичке, оканчивающемся дубовой, выкрашенной в синий дверью. За стеклянным окошком двери висела табличка, что лавка открыта. Но с утра здесь обычно никого не бывало. Тихо звякнул колокольчик. Девушка оторвалась от записей в тетради учета. Она побледнела и застыла, не сводя с меня взгляда.

– Доброе утро, Марьяна, – я оглядывал лавочку.

На полках в стеклянных банках стояли различные чаи и травяные сборы для ванн, кусочки минералов, а также камни-амулеты для знаков гороскопа. То, что может приобрести обычный покупатель. Все остальное, исключительно для посвященных, хранилось в другой комнатке, куда доступ имела только владелица лавки.

– Что тебе нужно, Янош?

– А как ты думаешь? – полюбопытствовал я, взял с полки банку с чаем, открыл крышку и вдохнул терпкий и горький аромат.

– Я нахожусь под защитой совета... – дрожащим голосом заметила она.

Я глянул на нее и рассмеялся, словно услышал нелепицу, а потом добавил серьезно:

– Благодаря моим рекомендациям и поручительству. Ладно, я по другому делу заглянул...

Я поставил банку на место, опустил взгляд на витрину, где на черном бархате лежали всякие побрякушки и постучал пальцем по стеклу над знакомым кольцом. Камушек слабо засветился зеленым.

– Что это? – полюбопытствовал я. – Да еще и в открытой продаже.

– Кольцо не продается, – едва слышно произнесла она. – Это оберег от вампиров...

– И кто из нас двоих? – поинтересовался я. – Так что это такое на самом деле, Марьяна?

– Ты знаешь...

– Каким образом ты смогла его изготовить?

– Помнишь, тогда тебя прилично зацепили – я сохранила окровавленные бинты...

– Ну и какого черта ты это сделала?

Она молчала.

– Знаешь поговорку? Если ты решилась взяться за месть, выкопай сразу две могилы... одну для себя.

– Что ж ты тогда о своей жизни беспокоишься? – с вызовом заметила она.

– А с чего ты взяла, что я кому-то мщу? Мне и мстить-то некому...

Она устала на меня с изумлением.

– И у кого теперь есть эти колечки?

– Я сделала обновление для основного состава совета...

– Это все? Или, может, ты еще до чего-нибудь додумалась?

– Нет – я едва наскребла на десяток перстней.

– Это, надо полагать, последний?

Она открыла витрину, положила мне на ладонь колечко. Камушек тут же перестал светиться. Я разглядел на внутренней стороне ободка крошечный вензель Д.

– Они еще и именные... Если этот предназначался Доминику, то где кольцо Петра?

Марьяна вынула точно такое же кольцо из кармана. Я положил оба кольца в портмоне к монеткам.

– Если еще раз что-нибудь подобное выкинешь... Между тобой и мной – нет никого, кто бы мог помешать, тем более из совета.

Я толкнул дверь лавки.

– Неблагодарный ублюдок!

Я остановился, прикрыл дверь и вернулся к ней. Девушка попятилась.

– Ты кому-нибудь еще хочешь отомстить кроме меня?

Она молчала. Я резко шагнул к ней, схватил за горло и прижал к стене.

– Я предупреждал тебя насчет твоих друзей? – пошипел я зло. – Предупреждал?! Какого черта они оказались не в то время не в том месте?!

Она всхлипнула, закрыла глаза, и слезы побежали по ее бледным щекам. Я выпустил девушку и было отступил, но теперь она вцепилась в меня, уткнувшись лицом в плечо и рыдала. Я процедил проклятие и уже мягко прижал к себе и успокаивающе провел по ее черным густым волосам. Наконец, она немного успокоилась, подняла ко мне заплаканное лицо.

– Зачем, Янош? Зачем ты это делаешь?

– Я...

Мы не успели опомниться, как нас притянуло друг к другу, наши губы встретились. Но спустя пару долгих минут она меня оттолкнула.

– Уходи сейчас же, – выдавила она. – Это все полнолуние...

И оттерла губы рукавом.

– Извини... – я развернулся и вышел вон.

3. Полнолуние

Первым делом, придя домой, я снял и встряхнул пальто. Послышался возмущенный писк, и из него кубарем вывалился на пол чертенок.

– Мог бы повежливее, Янош, – произнес он своим глумливым голосом и заскочил на диван.

– Да неужели? – я сцапал его за шкурку и потащил в ванну.

– Нет, Янош, только не мыться! – завопил чертяка.

– Чтобы у меня опять вся квартира псиной провоняла?

Я заткнул в раковине слив, раскрыл на всю мощь кран и ливанул под водяную струю приличную порцию шампуня. Потом, засомневавшись, высыпал туда же полпачки стирального порошка и утопил в пене вопящего черта. Я бы и в стиралку мог без зазрения совести его запихнуть, если бы не был уверен, что тот без труда оттуда смоеется. А так я его хоть за загривок крепко держал. Всласть поизмывавшись над чертом, я прополоскал его, замотал в полотенце для рук и поставил на закрытую крышку унитаза. С обвисших его острых ушей текла вода, шерсть слиплась и он стал казаться совсем маленьким, тоненьким, хрупким существом. Но я знал, насколько все это обманчиво. Сам он морщил мордочку, чихал, фыркал и сморкался в край полотенца. Под копытцами натекла лужица, в которой плавала кисточка хвоста. Я вгляделся в цвет подсыхающего меха. Он становился ржаво-рыжим.

– Я думал, ты Черныш, – заметил я.

– Он остался у Элишки, – насупился чертик. – За то время, как мы жили с тобой, мог бы и научиться нас различать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.